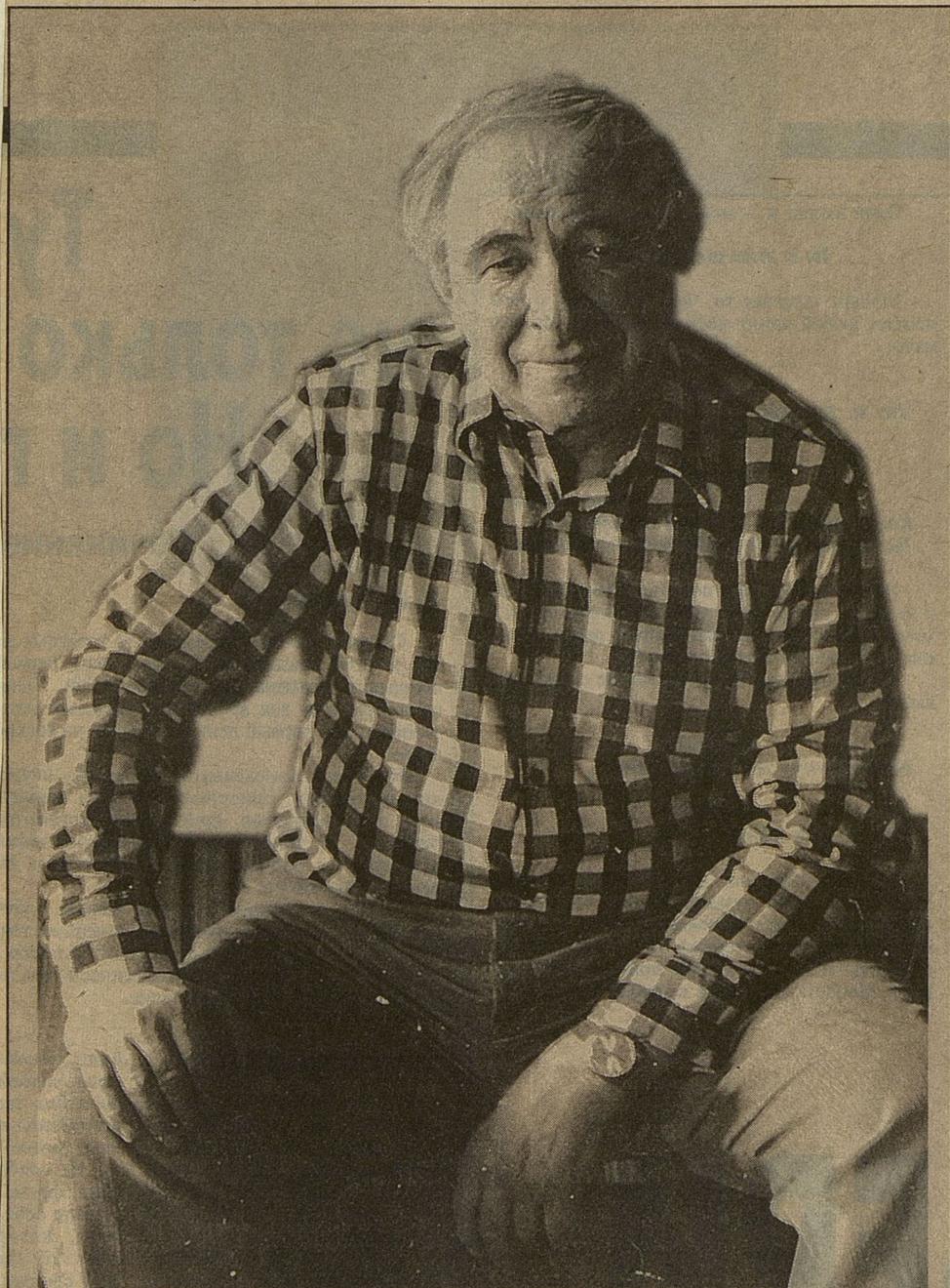

Новая газета, -1997, -16-22 июня, -с. 16

Он ушел, оставив нам театр

Я как бывший мальчик, любивший театр, помню первые роли Евгения Алексеевича Лебедева, в частности, страшно сказать, прогремевшую роль Сталина. А потом уже студентом, на практике у Товстоногова, я видел его Рогожина, Холстомера, его работу в «Мещанах»... Евгений Алексеевич был актером — очень странно говорить «был», — принадлежащим не к концу XX века, как, впрочем, и не к началу XIX... Его театр я бы назвал скоморошьюм. Как скоморох он мог сказать все что угодно. Благодаря именно таким актерам была продолжена русская театральная традиция и уцелел наш театр. Эти актеры играли, потому что не могли не играть и жить без зрителей, как зрители не могли жить без них. И это великое искусство Лебедева пришло откуда-то из веков, из-под татар, из-под страшных кривых городов с белокаменными церквями. Как раз в этом его уникальность, неповторимость и незаменимость. Потому и уход Лебедева это даже не беда, а национальная трагедия.

Для меня всегда существовала в нашем искусстве эта тройца: Товстоногов, Лебедев и живая, на счастье, Нателла Александровна, сестра Товстоногова и жена Лебедева. Из этой тройцы она теперь осталась одна. И я сейчас не представляю себе, что делать дальше.

Смерть Лебедева — мое личное горе. Он был мне близким и родным человеком. Мы постоянно перезванивались, встречались, разговаривали. Но — по дурной российской традиции — масштаб его таланта даже мне окончательно стал понятен только сейчас, с его утратой.

● Алексей ГЕРМАН